

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2023. Том 27, № 1
ЧЕХОВСКИЕ СТРАНИЦЫ

Научная статья

УДК 82-31

ББК 83

DOI 10.18522/1995-0640-2023-1-23-32

А. П. ЧЕХОВ И В. А. КАВЕРИН: ДВА МОНТИГОМО

Алла Романовна Лисица

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Представлены результаты сопоставительного анализа рассказа А. П. Чехова «Мальчики» и романа В.А. Каверина «Два капитана», главные герои которых являются обладателями одного и того же имени-знака – Монтигомо Ястребиный Коготь. Выявляются сходства в образах Чечевицына и Сани Григорьева, обозначаются общие для произведений мотивы побега и чтения, обнаруживаются цитатные переключки. Несмотря на то что появление Монтигомо в тексте А.П. Чехова принято связывать с историческими реалиями – современник писателя носил похожее прозвище, – предлагается обратить внимание на возможные прообразы этого имени из классической приключенческой литературы. Автор полагает, что межтекстовые связи обусловлены не только рецепцией романов об индейцах в России XIX в., но и влиянием творчества А.П. Чехова на формирование художественных принципов В.А. Каверина, которые характеризуются своей подчеркнутой ориентированностью на литературную традицию.

Ключевые слова: А.П. Чехов, В.А. Каверин, чеховский текст, интертекстуальность, приключенческая литература, вестерн, рецепция

Для цитирования: Лисица А. Р. А. П. Чехов и В. А. Каверин: два Монтигомо // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2023. Т. 27. № 1. С. 23 – 32.

Original article

A. CHEKHOV AND V. KAVERIN: THE TWO MONTIGOMOS

Alla R. Lisitsa

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The present article covers the results of the comparative analysis of the short story "Boys" by A. Chekhov and "The Two Captains" by V. Kaverin whose protagonists both go by the same symbolic name Montigomo the Hawk Pounce. Similar traits in the images of Chechevitsyn and Sanya Grigoriyev are singled out, similar for the two works motifs of escaping and reading are highlighted, quotational allusions are located. Despite the fact that the appearance of Montigomo in Chekhov's text is traditionally attributed to the historical realia (the writer's contemporary had a quite similar

© Лисица А.Р., 2023

nickname), the article suggests to look for possible prototypes of that name's in the classical adventure literature. The author suggests that the typological similarities between the texts are rooted not only in the reception of the Native American novels in the 19th-century Russia but also by the style of A. Chekhov influencing the formation of V. Kaverin's artistic principles that are emphatically oriented to the literary tradition.

Key words: *A. Chekhov, V. Kaverin, Chekhov text, intertextuality, adventure literature, western, reception*

For citation: *Lisitsa A. R. A. Chekhov and V. Kaverin, the two Montigomos // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2023. T. 27. № 1. P. 23 – 32.*

Введение

Пожалуй, трудно найти в истории русской литературы писателя, которому бы вменяли ориентированность на литературные источники как главный художественный метод чаще, чем В.А. Каверину. Казалось, в его писательском образе сконцентрировались все черты, к этому располагающие: и книжный псевдоним, уходящий корнями в Пушкина, и самоопределение как историка литературы, и подчеркнутая верность мировой литературной традиции.

Именно эта черта каверинской поэтики стала главной причиной для его обвинения коллегами по цеху в оторванности от реальной жизни. Е. Л. Шварц в дневниках отметил особенную эстетическую позицию Каверина: «И то, что прочел, было для него материалом, а то, что увидел, – не было. Точнее, вне традиции, вне ощущения формального он смотрел, но не видел» [Шварц, 1990, с. 506]. Но Каверин продолжал защищать важность начитанности для писателя. В «Заметках о чтении», рассуждая об опыте чтения для писателя, он замечал, что именно «так начинается всматривание, поиски своего в чужом, воспитание вкуса» [Каверин, т. 8, с. 266].

В.И. Новиков назвал традицию мировой литературы «камертоном для Каверина» [Новиков, 2012, с. 15]. Несмотря на то что сам писатель выделял в качестве своих главных литературных ориентиров творчество Р.Л. Стивенсона, Э.Т.Ф. Гофмана и А.И. Герцена – утверждения об их влиянии на его творчество даже не ставятся под сомнение, – есть еще автор, чье творческое наследие оставило заметный отпечаток на каверинских произведениях, – это А. П. Чехов.

Одной из известных литературных перекличек с Чеховым является значимое для осмысления образов главных героев рассказа «Мальчики» и романа «Два капитана» имя – Монтигомо Ястребиный Коготь. Несмотря на то что Каверин самостоятельно указывает в тексте романа на первоисточник этого имени, обозначенная литературная связь остается малоисследованной. В научной литературе этому вопросу посвящены работы А.Г. Головачевой, в публицистике – материал А. Аничкина.

Цель нашего исследования – определить место чеховских интертекстуальных включений в художественной системе романа В.А. Каверина «Два капитана», что дает возможность дальнейшего осмысления феномена метатекстуальности творчества В.А. Каверина.

Материал исследования – рассказ А.П. Чехова «Мальчики» и его рецепция в романе В.А. Каверина «Два капитана». В работе используется синтез

биографического, историко-литературного, интертекстуального методов, соединение которых позволяет рассмотреть структуру романа Каверина с точки зрения его включения в литературный процесс и личного восприятия писателем приключенческой темы.

Исследование и его результаты

Близость творчества Чехова и Каверина отметила А.Г. Головачева в статье «Чеховский мир каверинских героев»: «...в его (Каверина. – Прим. автора) творческом наследии все связанное с Чеховым существует не как отдельные фрагменты, а по законам целостного мира» [Головачева, 1994, с. 9]. Целеустремленность, способность действовать, ответственность за свои поступки в героях Каверина вдохновлены, по мнению исследователя, именно Чеховым: «Каверин не скрывал, что энергичные характеры всегда были ему особенно близки. Он прозревал в своих героях людей из чеховского мира, как раз в те минуты, когда они имели возможность проявить в своих поступках решительность и волю, требовательность к себе» [Головачева, 1994, с. 10].

В статье «“Монтигомо Ястребиный Коготь”: литература и реальность» А.Г. Головачева указала на переключки между Чеховым, Шмелевым, Грином и Кавериним, которые объединяются между собой близостью к индейской теме. Особенное внимание исследователь уделила имени, которым гордо называет себя Чечевицын, – Монтигомо Ястребиный Коготь: читатели «могли подзабыть название чеховского рассказа – “Мальчики”, но только не гордое книжное имя его героя, неустрашимого краснокожего вождя» [Головачева, 2000, с. 41]. Оно превратилось в «знак памяти», несущий в себе апелляцию не только к мировой литературной традиции, но и к её российской рецепции.

Это имя, несомненно, прекрасно запомнилось и В.А. Каверину: он использует его в двух своих романах – «Художник неизвестен» и «Два капитана». В первом из них Монтигомо становится бутафор Визель, бунтующий против безответственного подхода к работе. Каверин пишет: «*Так он и сидел, широко раскрыв глаза, прислушиваясь к чему-то и напоминая Жабе чеховского гимназиста – Монтигомо Ястребиный Коготь*» [Каверин, т. 2, с. 89]. Если в «Художнике...» это имя служит художественной деталью, которая подчеркивает горячность героя, его юношеский максимализм, то в «Двух капитанах» Монтигомо отведена центральная роль. Это прозвище становится одним из ключей к разгадке тайны пропавшей экспедиции капитана Татарина, своеобразным идентификатором для письма из сумки утонувшего почтальона, которое дословно цитирует Саня: «*“Монтигомо Ястребиный Коготь”, – сказала Марья Васильевна, и в первый раз голос у нее немного дрогнул. – Я его когда-то так называла*» [Каверин, т. 3, с. 202]. Таким образом, имя, которое появилось не из Густава Эмара, как думали Саня и Катя, а из Чехова, связывало судьбы двух капитанов, прошлое и настоящее, и способствовало развитию сюжета романа.

Любопытно, что у этого литературного имени и в реальности существовал исторический прототип, что отмечено в комментариях к рассказу в полном собрании сочинений А.П. Чехова. В «Осколках московской жизни», написанных в 1883–1885 гг., писатель рассказал о реально существовавшем

человеке с похожим именем: «*Антрепренер Александров, прозванный Монтигомо, Ястребиным Глазом, нанял Зоологический сад и приспособляет его к блистательным представлениям*» [Чехов, т. 16, с. 163]. Напомним, что рассказ «Мальчики» был написан в 1887 г. Таким образом, Монтигомо Ястребиный Коготь – видоизмененный Чеховым псевдоним, выполняющий в рассказе функцию прецедентного имени, знака подражания героям индейских романов.

В начале XIX в. сложились особые предпосылки для появления такого имени – это подъем интереса к приключенческой литературе в России и рецепция мировой приключенческой литературы. Отметим, что первоначально индейская тема входила в круг взрослого чтения. А. Елистратова отмечала, что переводы куперовских романов появились в России в середине 1820-х гг. [Елистратова, 1962, с. 5]. Морскими романами Купера зачитывался В.Г. Кюхельбекер: в дневниках он описывал впечатления о «Красном корсаре», «Кормчем», сравнивал художественные методы Купера и Вальтера Скотта [Кюхельбекер, 1929]. М.Ю. Лермонтов и В.Г. Белинский дискутировали о творчестве двух этих авторов и сходились на том, что в куперовских романах «больше глубины и больше художественной целостности» [Белинский, 1956, с. 509]. Комментируя это высказывание Белинского, Л. Ланский заключил: «Мнение о Купере как о гениальном писателе было общим среди его современников» [Ланский, 1948, с. 672].

Только во второй половине XIX столетия «круг читателей произведений Купера, Майн Рида и других американских авторов расширился за счет детской читательской аудитории» [Арустамова, 2009, с.77]. С этого момента романы Дж. Ф. Купера, Т.М. Рида, Г. Эмара, К. Мая на протяжении долгого времени оставались кругом детского и юношеского чтения в России. Приключенческая литература была настолько популярной, что до революции для русского читателя «издавались целые библиотеки и специальные журналы, посвященные миру приключений» [Николюкин, 2001, с.806].

Примечательно, что круг детского чтения во времена Чехова не ограничивался классикой приключенческого романа, наряду с этим в него входили и современные произведения для детей, отличавшиеся дидактической тенденциозностью. Так, Л.П. Громов отмечает, что А.П. Чехов занимает позицию критика детской литературы, публикует пародии на произведения детских писателей-современников. В то же время во влиянии приключенческой романтики писатель видит «доброкачественную заразу» [Чехов, т. 16, с. 236], потому что именно она способна вдохновлять человека на подвиги, проявлять в нем деятельностное начало. Эта литературная «зараза» действительно и с большим успехом распространялась в реальности: П.Ф. Каптерев в статье «Подражание детей книжным героям и подвигам», датированной концом XIX в., рассказывает о многочисленных случаях побегов мальчиков, вдохновленных романами Т.М. Рида, Дж. Ф. Купера и Г. Ферри.

Детство В.А. Каверина, родившегося в 1902 году, прошло как раз в дореволюционной России, когда партийное руководство еще не «объявило приключенческую литературу “большим злом” буржуазной культуры» [Николюкин, 2001, с.806]. Рассуждая о методе писательской работы, Каверин замечал: «Круг чтения, начавшегося в детские годы, постепенно превращается в круг

профессионального чтения и, таким образом, становится орудием художественного познания» [Каверин, т. 8, с. 266]. Обратим внимание на то, что главы, посвященные детству писателя, в автобиографических «Освещенных окнах» пестрят говорящими деталями: упоминаются и яд кураре, и Монтезума – король инков, и имена классиков приключенческой литературы об индейцах. «В беспредельности новых и новых открытий, в раскате невероятных происшествий» [Каверин, т. 7, с. 109–110], в пылу детского, еще неосознанного чтения, когда единственной характеристикой текста, на которую направлено внимание, становится остросюжетность, Каверин, по собственному признанию, чувствовал себя чеховским Чечевицыным.

Если исторические корни имени Монтигомо удалось обозначить А.Г. Головачевой, то вопрос о литературных истоках этого имени до сих пор остается открытым. Журналист А. Аничкин, посвятивший литературной судьбе Монтигомо материал под названием «След когтя» в журнале «Огонек», упоминает о книге Л.В. Успенского «Ты и твоё имя»: «Вспомните роман Фенимора Купера “Следопыт”, – пишет Успенский, – вам непременно придет на память его герой, благородно-суровый индеец-охотник, по имени Монтигомо. Говорят, будто имя это по-индейски значит: “Ястребиный Коготь”. Не важно, точен ли этот перевод: имена, подобные этому, действительно характерны для индейских племен Америки. Это и естественно: когти ястреба остры, страшны и врагу, и добыче» [Аничкин, 2012, с. 48]. А. Аничкин обратил внимание на ошибку Успенского, будто в куперовском «Следопыте» есть герой с именем Монтигомо. Публицист пишет: «Другие индейцы у Купера есть, с красивыми именами вроде Разящая Стрела и Июньская Роза, но Ястребиного Когтя нет» [Аничкин, 2012, с. 48]. Представление о том, что Монтигомо является одним из куперовских персонажей, демонстрирует, как прочно в сознании русского читателя закрепилась связь индейской темы и имени «американского Вальтера Скотта».

Несмотря на то что о прямом заимствовании из куперовской пенталогии говорить нельзя, очевидно, что Ястребиный Коготь создавался по образу и подобию куперовских имен: Соколиный Глаз, Кожаный Чулок, Длинный Карабин, Правдивый Язык. Кроме того, одно из имен куперовского Натти Бампо вместе с другими американскими аллюзиями к тому времени уже давно путешествовало по русской литературе. А.А. Арустамова обнаруживает, что имя Патфайндер (Следопыт) упоминается в таких произведениях, как роман «Переселенцы» Д.В. Григоровича, роман «Отцы и дети» И.С. Тургенева, повесть Л.Н. Толстого «Казачья», и входит «не только в кругозор авторов, но и героев произведений» [Арустамова, 2007, с. 13].

Каверинских и чеховских героев объединяет не только общее «индейское» имя, но и важный для сюжета обоих произведений мотив побега. Саня Григорьев и Петя Сковордкин бегут в Туркенистан, Чечевицын и Володя пытаются убежать в Америку. Причем бежать в другую страну герои решают, будучи в самом деле мальчишками: гимназистами второго класса у Чехова и десятилетними детьми у Каверина. А.А. Арустамова, изучающая образ Америки как предмет рефлексии русских писателей и публицистов, делает акцент на том, что «стремление героев попасть в Америку является исходным

импульсом для развития сюжета» [Арустамова, 2009, с. 79], поскольку в отечественной литературе к началу XX в. сложилась устойчивая оппозиция *Америка – Россия* по основанию *свобода – несвобода*. Отсюда и наполненность образов Чечевицына и Сани Григорьева общей духовной свободой, присущей всем путешественникам, решившим искать приключения, покоряя чужое, неизведанное пространство.

Что заставляет чеховских героев решиться на этот отчаянный шаг? Только ли увлечение чтением приключенческих романов об индейцах становится причиной для побега? Вероятнее всего, Чечевицыным руководит желание изменить жизнь в лучшую сторону. Чехов в рассказе прямо не указывает ни на социальное положение героя, ни на его семейные отношения. Однако у читателя складывается определенное впечатление об этом герое, если он принимает во внимание детали, содержащиеся в рассказе. Внешность и поведение Чечевицына резко контрастирует с качествами Володи: автор отмечает, что Чечевицын *«вообще был ... очень некрасив»*, *«угрюм, всё время молчал и ни разу не улыбнулся»* [Чехов, т. 6, с. 425]. Отец Володи не запоминает имени гимназиста, называя его то Чибисовым, то Черепицыным. Маша, самая младшая сестра Володи, после представления Чечевицына в качестве вождя непобедимых невопад скажет, понижая уровень серьезности происходящего: *«А у нас чечевицу вчера готовили»* [Чехов, т. 6, с.427]. Наконец, догадаться о незавидном положении Чечевицына помогает и сам автор, акцентировавший внимание на том, что *«...если б на нем не было гимназической куртки, то по наружности его можно было бы принять за кухаркина сына»* [Чехов, т. 6, с.425].

У Володи, наоборот, нет видимых причин для побега. Его семья отличается и материальным благополучием (можно предположить, что Королевы живут в усадьбе: *«послали в людскую, в конюшню, во флигель к приказчику»*) [Чехов, т. 6, с. 429], и теплыми семейными отношениями (*«Мне хочется дома пожить»*, – возражает Володя перед побегом) [Чехов, т. 6, с. 429]. Он, скорее всего, хочет поддержать друга, чувствует перед ним ответственность бледнолицего брата. Именно поэтому, когда приключение завершается неудачей, Володя становится прежним: снова осознает свою привязанность к семье (и особенно – к матери), ценность уютной и доброжелательной атмосферы, царящей в собственном доме.

Петька и Саня спасаются бегством от жизненных неурядиц: нового брака отца в случае Сквородникова и перспективы попасть в приют в случае Григорьева. Здесь Саня оказывается на месте Володи, а Петька становится Чечевицыным. Сравним текстовые фрагменты произведений и увидим параллели не только в методах убеждения Петьки и Чечевицына, но и в используемых зачинщиками побега аргументах: у Чехова Чечевицын сначала обвиняет сомневающегося Володю в трусости, а затем начинает апеллировать к предметному миру чаемой страны: *«Чечевицын, чтобы уговорить Володю, хвалил Америку, рычал как тигр, изображал пароход, бранился, обещал отдать Володе всю слоновую кость и все львиные и тигровые шкуры»* [Чехов, т. 6, с. 428]. У Каверина Сквородников *«уговаривал меня, дразнил, упрекал в трусости и презрительно смеялся»* [Каверин, т. 3, с. 51].

Бегство в Америку прочит не только богатство, но и славу: в случае успешного осуществления плана мальчики будут *«бороться с врагами, пить джин, жениться на красавицах и добывать золото, слоновую кость»*. Далекая Америка в мечтах гимназистов становится тем местом, где исполнятся все взрослые мечты и реализуется приключенческий потенциал. В теплой стране без зимы, где *«груши, яблоки, апельсины росли прямо на улицах, так что можно срывать их сколько угодно и никто за это не всадит тебе в спину хороший заряд соли, как сторожа в наших фруктовых садах»* [Каверин, т. 3, с. 41], Саню Григорьева и Петьку Сквородникова также привлекают не только комфортные условия жизни, но и дух приключений, царящий в ней. Сквородников скажет: *«Там турки живут. Все вооруженные поголовно. Кривые шашки в серебре, за опояском нож, а на груди патроны»* [Каверин, т. 3, с. 202]. Чечевицын и Володя мечтают об Америке, где можно *«охотиться на тигров, сражаться»*. Характеристики своей страны постоянно противопоставляются характеристикам места грез, его бытовые мелочи кажутся героям удивительными и необычными: *«А в Калифорнии вместо чаю пьют джин»* [Чехов, т. 6, с. 425], *«А в Туркестане крыс нет,— задумчиво добавил Петька»* [Каверин, т. 3, с. 41].

Заметим, что земля, о которой мечтается, неизменно труднодоступна. Чеховским мальчикам нужно сначала проехать всю Россию и оказаться на Камчатке, а потом переплыть океан, Сане Григорьеву и Пете Сквородникову – сначала добраться в неблизкую от Энска Москву, а потом путешествовать на поезде до Туркестана. Мечта о Туркестане не исчезает и тогда, когда Саня с Петей попадают в приют инвалидов-спекулянтов: *«за работу нам обещан сам Туркестан»* [Каверин, т. 3 с. 58]. Мечтать о Туркестане Саня перестает тогда, когда вливается в жизнь школы-коммуны, в некотором смысле удовлетворяется ходом своей новой жизни. А мальчишеский дух и тяга к приключениям реализуются в его профессиональном пути, где мечты о Туркестане сменяются грезами о Севере.

Мотив чтения в романе «Два капитана» сохраняется, но характер этого чтения изменяется. Приключенческая литература составляет круг чтения не только чеховских мальчиков, но и Сани с Катей: в детстве они увлечены «Столетием открытий» и «Еленой Робинзон». Так же, как и Чечевицын и Володя, каверинские герои наделяют окружающий их мир атрибутами из прочитанного, граница между миром реальным и миром литературным стирается. Кошка Татариновых Васена превращается в Иптакчууатль — *«в Мексике есть, оказывается, такая горная вершина»* [Каверин, т. 3, с. 91], Нина Капитоновна успешно сопротивляется попыткам Кати навязать ей имя мексиканского вулкана Попокатепетль. Портреты знаменитых мореплавателей XV и XVI вв. *«на фоне далеких каравелл»* постоянно чудятся Сане даже во взрослом возрасте [Каверин, т. 3, с. 90]. Не только таинственная и героическая фигура капитана Татаринова, но и прочитанное в детстве влияют и на выбор дальнейшего пути героев: глава «Татариновы», в которой описывается увлеченность Кати приключенческой литературой, заканчивается тем, что Саня понимает: *«она хотела быть капитаном»* [Каверин, т. 3, с. 91].

Несмотря на то что Монтигомо – домашнее прозвище капитана Татаринова, его можно применить и к Сане, и это ещё больше сближает его

с образом Чечевицына. И чеховский, и каверенский герои кажутся окружающим неказистыми (Саня – «худенький черный мальчик в больших штанах» [Каверин, т. 3, с. 9], Чечевицын – «худ, смугл» [Чехов, т. 6, с. 425]) и социально неловкими (Чечевицын оторван от окружающих, он погружен в свои мысли настолько, что ему приходится просить повторить заданный ему вопрос; Саня оказывается отвергнутым семьей Татариновых и оклеветанным стараниями Николая Антоновича). Каждому из них присущи собственный взгляд на мир и уверенность в своей правоте, которая остается с ними, несмотря на неудачи. Даже после побега, не увенчавшегося успехом, Чечевицын – все еще Монтигомо Ястребиный Коготь. В момент возвращения в дом Королевых у него «суровое, надменное лицо» [Чехов, т. 6, с. 429] – он явно гордится своим поступком, не изменяет прежним идеалам. На протяжении всего повествования «Двух капитанов», читатель следит за тем, как Саня, однажды пообещавший Кораблеву «...хоть умереть, но доказать, что я прав», не отступает от своей правды [Каверин, т. 3, с. 215].

За Саней Григорьевым уже давно закрепился образ идеального героя своей эпохи, продолжателя галереи образов приключенческой литературы. Но героическое читатель может найти и в Чечевицыне, особенно, если обратит внимание на его авторскую характеристику: «*Это был герой, решительный, неустрашимый человек, и рычал он так, что, стоя за дверями, в самом деле можно было подумать, что это тигр или лев*» [Чехов, т. 6, с. 429].

Заключение

Таким образом, интертекстуальные вставки из чеховских «Мальчиков» занимают важное место в художественной системе «Двух капитанов». С одной стороны, чеховский образ Монтигомо и его каверинское переложение отсылает к рецепции приключенческой литературы в России, с другой, воплощает в себе творческий принцип В.А. Каверина, основанный на том, чтобы заниматься «литературой продолжающейся, в которой никто не превращался в собственное бронзовое или каменное изваяние» [Каверин, т. 7, с. 111], где творчество А.П. Чехова получает авторское переосмысление и становится осязаемой частью художественного мира писателя.

Список источников

- Аничкин А. След когтя // Огонек. 2012. № 5 (5212). С. 48–49.
- Арустамова А. А. Америка в детской литературе конца XIX века в России // Вестн. Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. № 4. С. 76–80.
- Арустамова А. А. О некоторых американских аллюзиях в русской литературе середины XIX века // Вестн. ЧелГУ. 2007. № 15. С. 9–14.
- Головачева А.Г. «Монтигомо Ястребиный Коготь»: литература и реальность // Литература в школе. 2000. № 1. С. 38–45.
- Головачева А.Г. Чеховский мир Вениамина Каверина // Литературное обозрение. 1994 № 11–12. С. 8–12.
- Громов Л.П. Чехов и детская литература [Электронный ресурс] // Культурно-просветительский интернет-портал «Антон Павлович Чехов». URL: <http://www.anton>

chehov.info/leonid-gromov-chexov-i-detskaya-literatura.html (дата обращения 28.10.2022).

Дневник В.К. Кюхельбекера. Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10-40 годов XIX века / Предисловие Ю.Н. Тынянова; ред., введ. и прим. В.Н. Орлова и С.И. Хмельницкого. Л.: Прибой, 1929. 373 с.

Елистратова А. Предисловие // *Купер Д. Фенимор*. Избранные сочинения. Т. 1. М.: Гос. изд. детской литературы Мин. Просвещения РСФСР, 1961. С.5–16.

Каверин В.А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1980–1983.

Ланский Л. Библиотека Белинского // *Литературное наследство*. 1948. Т. 55. С. 431–572.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1596 с.

Новиков В.И. Каверин против Ромашки // *Культура* (газета). 2012. № 13 (7812). С. 15.

Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982.

Шварц Е.Л. *Живу беспокойно...: Из дневников*. Л.: Сов. писатель, 1990. 752 с.

References

Anichkin A. (2012). The Claw Mark. *Ogonyek*, no. 5 (5212). pp. 48–49. (In Russian).

Arustamova A.A. (2007). About some American allusions in Russian Literature of the middle of the 19th century. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no.15, pp. 9-14. (In Russian).

Arustamova A.A. (2009) America in the literature for children of the end of 19th century in Russia. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, no. 4, pp.7680. (In Russian).

Chekhov A.P. (1974–1982). *Complete collection of works and letters: in 30 volumes*. Works: in 18 volumes. Moscow, Nauka. (In Russian).

Elistratova A. (1961) Preface. *Cooper D. Fenimore. Selected writings*. Vol. 1. Moscow. P.5–16.

Golovacheva A.G. (1994). Chekhov's world of Veniamin Kaverin. *Literature Review*, no. 11–12, pp. 8-12. (In Russian).

Golovacheva A.G. (2000). «Montigomo Hawk's Claw»: literature and reality. *Literature at school*, no.1, pp. 38-45. (In Russian).

Gromov L.P. Chekhov and the literature for children [Electronic resource]. *Cultural and educational web portal «Anton Pavlovich Chekhov»*. Available at: <http://www.antonchehov.info/leonid-gromov-chexov-i-detskaya-literatura.html> (accessed 28.10.2022). (In Russian).

Kaverin V.A. (1980–1983). *Complete collection of works: in 8 volumes*. Moscow. (In Russian).

Lanskiy L. (1948) The Library of Belinskiy. *Literature Heritage*, vol. 55, pp. 431-572. (In Russian).

Literary Encyclopedia of Terms and Concepts. (2001). Edited by A.N. Nikolukin. Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Scientific and Production Company Intelvak, 1596 p.

Novikov V.I. (2012). Kaverin against Romashka. *Culture*, no.13 (7812), p. 15. (In Russian).

Shwarts E.L. (1990) *Living restlessly...: From diaries*. Leningrad, Sovetskiy pisatel. 752 p.

W.K. Kuchelbecker's diary. (1929). Material for history of literally and social life 10-40 years XIX century. Preface of Y.N. Tynyanov. Edited by V.N. Orlov and S.I. Khmelnskiy, 373 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Лисица Алла Романовна – стажер-исследователь Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, aldolgova@sfedu.ru

Information about the Author

Alla R. Lisitsa – research intern of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of Southern Federal University, aldolgova@sfedu.ru

Статья поступила в редакцию 10.11.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 20.01.2023.

The article was submitted 10.11.2022; approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication 20.01.2023.